СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПАРАДИГМЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЕДИНСТВА ЦЕРКВИ

А.Н. Лещинский

В понятие «социальная парадигма» входят различные теории и концепции, объясняющие те или иные явления социума, формулирующие способы применения теоретическим положениям и перспективы развития социальных явлений. Во многом они имеют политическое значение. Как правило, социальные парадигмы затрагивают и отношения государства к религии и Церкви.

Вопрос, исследуемый в настоящей статье, является частью раздела или дисциплины в религиоведении «Эволюция религий в современном мире». Это также касается и изучения всегда актуальной проблемы – единства Церкви и разделений в ней.

Причин разделений, доходящих до расколов, много. Среди них немаловажное значение имеют также социальные факторы и смена социальных парадигм в отдельных государствах или в союзах государств. Наиболее сильное влияние они имели во время переходных периодов от одного правящего режима к другому новому, а также распада государств на ряд независимых, утверждавших свое политическое устройство.

В христианстве с самого начала его истории формировалось учение о единстве Церкви, т.е. идеальная модель единой видимой земной Церкви как иконы – образа невидимой мистической небесной Церкви. Основой такой модели была личность Иисуса Христа как одна из ипостасей неразделенной с Богом – Троицей.

Большой вклад в учение о единстве Церкви внесли сам ее основоположник, его ученики-апостолы, апостольские мужи, отцы Церкви и, наконец, Правила семи Вселенских Соборов.

Отдельные труды, среди которых послания, письма и книги, посвятили формированию учения священномученики Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский и Киприан Карфагенский[1]. Уже в годы их жизни возникли три угрозы для христианства. Первая – появление христиан, которые в противовес евангельским основам христианства по-своему толковали отдельные положения этих основ. Таких людей, упорно отстаивавших свои мнения, стали называть еретиками, а главных из них – ересиархами. Вторая – начавшиеся массовые гонения на христиан со стороны властей Римской империи. И третья угроза – отпадение части христиан от официально признаваемых со стороны епископата общин по причинам переживания и страха перед мученической кончиной. Таким образом, отпадающие люди и общины пребывали в расколе, и возникали разделения.

С объявлением христианства государственной религией при императоре Константине Великом государство берет на себя функцию по наблюдению за утверждением и сохранением единства Церкви. Правда, уже до X в. были императоры, которые попадали под влияние ересей и поддерживали еретические или раскольничьи структуры в православии. Среди них были императоры ариане и иконоборцы.

Вся история христианства показывает, что реальное воплощение созданной модели единой Церкви так и не завершилось. Причин и факторов много. Но среди них немаловажное значение имели социальные условия, в которых находилась и находится Церковь и смены социальных парадигм. Прежде чем анализировать эти причины и факторы, обратимся к социальному значению учения о единстве Церкви. Многие сотни лет такое сугубо экклезиологическое учение являлось основой жизни отдельных семей, социальных структур общества и государств. Речь идет о самой идее единства как идеи интегрирующей. Достаточно вспомнить XIV в. нашей отечественной истории – время продолжающегося давления на русских людей татаро-монгольского ига и раздробленности Руси на удельные княжества. Именно в это время в лесах недалеко от Москвы появляется монах-отшельник, впоследствии ставший знаменитым преподобным Сергием Радонежским – игуменом зем-

[1] См.: *Игнатий Богоносец, священномученик.* Послание к филадельфийцам // Памятники древнехристианской письменности. М., 2005; Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999.

ли Русской. Он начинает создавать монастырь и в нем первый храм. Освящает его в честь Триединого Божества, «дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего»[2]. Здесь, таким образом, догмат о троичности Божества, экстраполированный также на состояние единой Церкви, воплощался в том социуме одной и главной целью, духовно объединяющей людей, – освободиться от ненавистного врага.

Но вернемся к разделениям. Один из известных современных богословов митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) из Константинопольской Церкви находит в истории разделений христианства три этапа[3]. Каждый этап занимает 500 лет. Так происходило, что после каждых 500 лет возникали крупные разделения или расколы. Первый этап приходится на V–VI вв., когда от официального христианства отпадают ассирийские (их называют «несторианскими») и нехалкидонские Церкви, не признавшие главных положений христологического учения. Порой их объединяют общим названием «древневосточные христианские Церкви». Второе 500-летие завершается в XI в. Великой Схизмой – расколом христианства на западное – католическое и восточное – византийское, православное.

Наконец, в нач. XVI в. третий этап разделений завершается отпадением от Римско-Католической Церкви структур, которые стали объединять понятием протестантские, относящиеся также к западному христианству. Возникновение последних непосредственно связанно с чрезвычайно крупными изменениями в социуме Западной Европы и сменой социальной парадигмы. Активно начинается процесс секуляризации западного общества. Протестантизм входит в процесс обмирщения Церкви, упрощая догматику, религиозную практику – культ и подрывая фундаментальные основы церковного институционализма, на котором держится и современная Католическая Церковь.

Но на этом в своем кратком повествовании о трех этапах разделений владыка Каллист останавливается. Однако ж время идет вперед. Продолжается и жизнь Церкви со всеми ее противоречиями и наблюдающимися трудностями, а порой и трагическими состояниями.

Начало XVI в. стало в разделениях началом четвертого 500-летия.

И вот в России через 100 лет после утверждения протестантизма на Западе, произошел, как его впоследствии назвали, старообрядческий раскол. Россия стояла на пороге смены социальной парадигмы, произошедшей в период правления одного из великих реформаторов Петра I и надвигающейся эпохой российского Просвещения.

Оппозиция, выступившая против церковной реформы Патриарха Никона, почувствовала симптомы крушения Святой Руси.

На исходе четвертого 500-летия в XX в. появились новые волны разделений как в России, так и в некоторых странах с преобладающим православным населением. Россия за один прошлый век пережила две таких смены парадигм – в первой четверти века и в последней. С их сменами связано две волны разделений.

Уже в 20-е гг. XX в. Православие было разделено на несколько групп объединений.

Первая – существующая прежде господствовавшая, как ее называли на Церковном соборе 1917–1918 гг., Российская Православная Церковь, избравшая после 200-летнего перерыва нового Патриарха Тихона.

Вторая – обновленческие церковные юрисдикции, вышедшие из подчинения Российской Православной Церкви как Поместной Автокефальной. Были инспирированы государственными органами для ослабления и последующего исчезновения прежней Церкви.

Третья группа – эмигрантская или карловацкая Зарубежная Церковь, уже с 20-х гг. находившаяся в процессе отделения от Матери-Церкви. В 30-е гг. этот процесс завершился.

Четвертая – это Церкви, согласия и толки древлеправославных христиан – старообрядческие объединения.

Пятая – в нее входят структуры катакомбного движения – представители православных христиан, которые ушли в церковное подполье и тайно

[2] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное слово ему, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке / сообщил архим. Леонид. (в серии «Памятники древней письменности», LVIII). С. 17, 28. СПб., 1885.

[3] *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский.* Православная церковь. М., 2001. С. 9–10.

продолжали свою религиозную практику. Лишь небольшая часть из них сохраняла связь с официальной Церковью, многие же другие отошли от нее.

Шестая – структуры иосифлянского движения, основоположником которого стал митрополит Иосиф (Петровых) (1872–1937), не согласившийся с церковной политикой митрополита Сергия (Страгородского) (1867–1945), признавшего новый режим со всей его, как тогда оценивали, безбожной деятельностью. Его представители считали, что они являются наследниками богослужебной практики, социального учения, включавшего отношение к государству, дореволюционной Православной Церкви. По воззрению иосифлян, теперешняя официально признанная Церковь предала прежние церковные традиции, а ее направление по отношению к государству получило название «сергианство». Вначале иосифляне действовали легально, в дальнейшем же они были вынуждены из-за гонений уйти в церковное подполье.

Наконец, седьмая группа – структуры, которые чаще всего относят к сектантским объединениям. Среди них наиболее известны иоанниты, иннокентьевцы, молчальники, федоровцы. Они сформировались в православной среде, но существовали чаще всего отдельно и независимо, т.е. в расколе.

Все названные группы объединений стали жертвами ненормальных государственно-конфессиональных отношений, существовавших несколько десятилетий. Находясь в катакомбном состоянии, некоторые объединения из-за тех недостатков в богослужебной практике, разрозненности и своеобразных воззрений на мир общество и государство создали некую субкультуру, оказывающую влияние на приверженцев таких объединений. В этой связи один из отечественных исследователей истории церковного подполья А.Л. Беглов замечает: «Эти общины в течение 1940-х гг. и сформировали новую религиозную субкультуру, противопоставившую себя базовой религиозной культуре Русской Православной Церкви. В этой субкультуре в концентрированном виде можно было наблюдать результаты изменений церковной жизни, происходивших в условиях подполья в течение почти 20 лет, – разрушения иерархических связей, исчезновения священства и таинств, редукции богослужения»[4].

Что касается судьбы иосифлянского движения, многие представители которого были репрессированы, историк из Санкт-Петербурга М.В. Шкаровский относительно их замечает: «Середину 1940-х гг. можно считать фактическим концом иосифлянского движения»[5].

Однако отдельные объединения ИПЦ продолжали свою деятельность и в дальнейшем.

В последней четверти века социальные перемены и смена социальной парадигмы стали факторами прекращения давления на религиозные объединения партийно-государственного пресса.

Но при всем при том не только стали возрождаться некоторые расколы и сектантские формирования, почти сходившие к тому времени на нет, но появились и новые. Некоторые из них ныне настаивают на том, что они имеют преемственность от катакомбных церквей. Другие – претерпели трансформацию. В качестве примера можно взять современные Истинно Православные Церкви. К настоящему времени насчитывается несколько юрисдикций. Их представители также не приемлют сергианство и экуменизм. Они выступают против и первого, и второго, считая, что Церковь должна быть самостоятельной и независимой от государства. Вступление же Вселенского, как они говорят, Мирового Православия, показывает на его отход от прежних апостольских заветов. Именно такие отходы очень заметны в западном христианстве, в частности, в протестантизме, деятели которого и начинали экуменическое движение. Что же касается социальных условий и влияния смены социальной парадигмы с периода перестройки, то здесь надо говорить не только о декларируемых государством, но и гарантированных вероисповедных свободах. Представители многих церковных структур, не подчиняющихся какой-либо Поместной Православной Церкви, считают получение таких свобод сигналом к созданию своих независимых юрисдикций. В настоящее время в религиоведении такие структуры обозначаются общим термином «альтернативное православие»[6].

[4] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 217.

[5] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 236.

[6] Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008. С. 61–63.

Заметны также влияния социальных перемен на церковные разделения во время распада государств, которые происходили в последнем десятилетии XX в. Такие разделения переживает Русская Православная Церковь по поводу того, что произошло в Эстонии, Молдавии и происходит на Украине.

В Сербии после распада Югославии от Сербской Поместной Церкви окончательно отходит Македонская Церковь. В провозгласившей независимость от Сербии республике Черногория возникла Черногорская Православная Церковь. В Болгарии – Альтернативный Синод, уже успевший в свою очередь расколоться.

В названных государствах в социальную парадигму как необходимость включается стремление вновь созданному политическому режиму иметь свою не просто православную Церковь, а национальную, независимую от кириархальной Церкви.

История и современность, действительно, дает нам немало примеров, когда светские власти, исходя из своих интересов, поддерживают образующиеся церковные расколы.

Наиболее яркое выражение такого отношения государства находим в событиях, которые произошли в Македонии, когда она еще находилась в составе Югославии.

Республика Македония – одно из государств, провозгласивших свою самостоятельность в нач. 90-х гг. XX в. после разделения Югославии. На ее территории проживает славянский народ, называющий себя македонцами и издревле, со второй половины I в., исповедующий православие. На протяжении многих веков начиная с появления христианства на македонской земле религиозная ситуация была очень сложной. По государственно-политическим причинам православие находилось в разделении. На него оказывали влияние зарубежные Патриархаты и Экзархаты – Византии (Константинополя), Болгарии, Сербии, Греции. Негативное отношение к православию в Македонии было и со стороны Османской империи. В течение многих десятилетий перед Второй мировой войной Македонская епархия входила в состав Автокефальной Сербской Православной Церкви. Однако после Второй мировой войны на Балканах власть перешла к коммунистам, и началась борьба против Церкви. Для ослабления Сербской Церкви новый режим оказывал поддержку тем представителям Церкви, которые пытались выйти из-под юрисдикции Сербской. 4 октября 1958 г. епископ Досифей пошел на сговор с новой светской властью и объявил себя архиепископом Охридским.

Сербская Православная Церковь, чтобы избежать раскола, признала автономию архиепископии в Македонии в 1959 г. Но Досифей пошел дальше. Он объявил против воли большинства своего священства об автокефалии новосозданной «Македонской Православной Церкви». Несмотря на угрозы правительства, Сербская Церковь отказалась признать этот антиканонический акт. МПЦ до настоящего времени не признана ни одной из Поместных Церквей Вселенского Православия, так как считается, что она является типичным расколом по национальному признаку.

В начале первого десятилетия XXI в. чрезвычайно осложнилась религиозная ситуация, особенно все то, что связано с православием.

После создания отдельной Македонской республики, ее руководство встало на сторону автокефалистов. В результате долгих переговоров, в мае 2002 г., комиссия, состоящая из епископов обеих сторон, подписала соглашение, в котором подтверждалась широкая автономия Церкви в республике Македонии. Однако под давлением македонских светских властей автономия не была принята. В сложившейся ситуации сербский Патриарх Павел, ища пути к преодолению разделения, обратился к епископам, духовенству, монашествующим и мирянам Церкви в Республике Македонии с предложением присоединиться к каноническому единству с Матерью–Церковью и через нее со всеми другими Православными Церквами.

На обращение откликнулся митрополит Велеса и Повардарья Иоанн. Он вместе со всем духовенством, монашествующими и мирянами своей митрополии решил вернуться под омофор Сербской Поместной Церкви. Паства епархии действительно вернулась в прежнюю Церковь Сербии. Некоторые архиереи также имели намерение вернуться, однако, из-за страха перед гонениями, не решились на это. После поступка владыки Иоанна начались гонения на него со стороны правительства Македонии и на тех, кто его поддержал. Однако усиливается процесс возвращения из МПЦ, что стало причиной новой волны гонений с 2004 г. Даже доходило до вооруженных нападений на Церкви и общины, которые хотели остаться с Матерью-Церковью. В городе Битола 11 января 2004 г. было совершено нападение от-

рядом вооруженных полицейских, в ходе которого арестовали многочисленных клириков и монахов, включая митрополита Иоанна и несколько групп монахов, монахинь, мирян. Митрополит Иоанн был заключен под стражу до суда с обвинениями в том, что «совершая литургию, он выполнял дело подстрекательства национальной, расовой и религиозной розни». Причем все эти задержания и аресты, по словам руководителей полицейских, делались по требованию МПЦ. Они даже показывали письменное распоряжение архиепископа Стефана. Аресты, погромы, доходящие до сожжения некоторых монастырей, продолжались. Многое оставалось без расследования. Одновременно с этими событиями государственные власти опубликовали «Декларацию в поддержку Македонской Православной Церкви», согласно которой в государстве может быть лишь одна законная православная община – «Македонская Православная Церковь». Охридская же архиепископия, правящим архиереем, в которой был Иоанн, таким образом, ставилась вне закона. По обвинению в «подстрекательстве национальной, расовой и религиозной ненависти», владыка Иоанн томился в течение восемнадцати месяцев в тюремном заключении.

До настоящего времени продолжается давление на православных священников и мирян с тем, чтобы вынудить их подписать документ, в котором они отказались бы от канонической Охридской Архиепископии и объявили бы о возвращении в самостоятельно провозглашенную МПЦ. Из-за чинимых трудностей представителям канонической Охридской Архиепископии приходится уходить в катакомбы (церковное подполье), т.е. литургии совершаются тайно в частных домах. При этом они испытывают большой недостаток в богослужебных книгах и церковной утвари.

Для урегулирования отношений между МПЦ и Сербской Патриархии осуществляется диалог их представителей, однако он проходит очень трудно: то прекращается, то возобновляется. Участие в нем в качестве посредника принимает руководство Русской Православной Церкви.

В начале 90-х гг. XX в. новые социально-политические реалии также сильно повлияли и на религиозную ситуацию в Черногории, которая, впрочем, на первых порах осталась в составе Федеративного Государства Сербии и Черногории. С крахом коммунистической идеологии началось возрождение православной духовности. Одним из его результатов стало стремление восстановить в должном состоянии церковные структуры. Как показала практика, этот процесс идет трудно. Одна из таких сложностей – это умножающиеся расколы. В каждом случае они имеют и общие, и частные предпосылки и причины.

В Черногории, на волне распада Югославии и борьбы за независимую республику, некоторые представители Церкви попали под влияние сепаратистских идей как светских, так и церковных. Быстро возник «Инициативный комитет за возрождение Черногорской Православной Церкви» (для этого были исторические предпосылки). В изменяющейся социально-политической ситуации происходили распады Сербского государства, перемещались центры православия в Сербии, отдельные ее народы в некоторые времена находились в самостоятельности. Самостоятельными были и их православные церковные структуры, так было и в Черногории. По-существу, некоторые представители православия решили возродить церковную самостоятельность. Одним из главных организаторов Комитета стал Антоний Абрамович. Ранее он был священником Сербской и Русской Зарубежной Церквей, а также Православной Церкви в Америке. В 1993 г. ему удалось создать группировку, которая впоследствии стала называться Черногорской Православной Церковью. После его кончины управление ею перешло к Михаилу Дедеичу, назвавшему себя митрополитом. Он принимал активное участие в политических событиях Черногории, связанных с отделением ее от Сербии. В тогдашних своих выступлениях он ратовал за утверждение Церкви, независимой от Сербской.

Крайне отрицательно относится к созданию альтернативной Церкви священноначалие существующей много сотен лет Сербской Церкви.

Автору настоящей статьи уже до его посещения самой Черногории в 2009 г. довелось немало слышать о черногорском расколе из уст митрополита Черногорского и Приморского Амфилохия (Радовича). По мнению сербского архиерея, если государства имеют границы, то Церковь живет поверх границ. Православная паства в Черногории всегда была едина с Сербской Церковью, несмотря на те

годы, когда митрополия по независящим от нее причинам имела автономию. Но как только возникла возможность объединиться, она сразу же возвращалась в непосредственную юрисдикцию Сербской Церкви.

«Вселенское Православие объединяет, а не разъединяет Церковь», – считает митрополит Амфилохий. Давая оценку численности независимой церковной структуры, он заметил, что это всего лишь горстка людей и ни один по-настоящему церковный человек туда не вступил. Владыка назвал их «самосвятами», которые не находят поддержки своим деяниям и не набирают даже 1% населения Черногории в качестве своих приверженцев. По словам митрополита Амфилохия, самопровозглашенная Черногорская Церковь, – это псевдорелигиозная организация, оказывающая идейную поддержку политическому истеблишменту Черногории. Более того, в одном из епархиальных изданий он отмечает, что преданный анафеме и проклятый священник Мироша Дедеич распространяет «ложную истину в Черногории с целью все большее количество людей оттолкнуть от спасения через Церковь Христову»[7].

Митрополит Амфилохий дает оценку и представителям властных структур, и общественных организаций, которые стремятся встать на сторону образуемой Церкви. По его мнению, национальная Церковь создается ныне в Черногории для оправдания и поддержки социально-политических и экономических перемен в жизни общества, которые на самом деле весьма далеки от христианских заповедей.

Свое отношение к этой проблеме выражают и первые лица черногорского государства.

Судя по высказываниям премьер-министра Черногории Мило Джукановича, он еще в 2005 г. выражал беспокойство по поводу появления независимой Черногорской Церкви, но при этом придерживался мнения, что на то есть свои причины. Это, по его убеждению, результат процессов, которые протекали в последние десятилетия, – реакция части черногорского общества на политику Белграда. Затрагивая правовой аспект проблемы, премьер разделяет мирское и духовное: кто верит – пусть верит, и препятствий в этом быть не должно.

Страсти накалились в 2007 г., когда в стране обсуждался проект новой Конституции. В нем среди перечня конфессий на первое место была поставлена независимая Черногорская Православная Церковь, а Сербская Церковь упоминалась далее лишь среди прочих. Митрополит Амфилохий выступил резко против такой «табели о рангах» и предложил указать в Конституции на первенство Приморско-Черногорской митрополии в составе Сербской Православной Церкви. В итоге в Конституции, утвержденной 2007 г., появилась статья 14, согласно которой религиозные организации в Черногории отделены от государства и равны перед законом. Признается также свободное отправление ими своих обрядов и иной религиозной деятельности. Таким образом, ни Сербская Церковь, ни непризнанная Черногорская не получили юридического преимущества.

Небезынтересным будет сказать и об отношении других Поместных церквей к тому, что произошло в Черногории, в частности, Русской Православной Церкви. В свое время Патриарх Алексий II давал негативную оценку деяниям раскольничьей структуры в Черногории и высказывал свою поддержку в сохранении единства Сербского Православия.

На тех же позициях стоит и нынешний Патриарх Московский Кирилл. Уже на первой своей официальной встрече с делегацией Сербской Церкви во главе с митрополитом Амфилохием 3 февраля 2009 г. была затронута тема церковного единства и борьбы с расколами. Патриарх Кирилл говорил о трудностях, которые пережили Россия и Сербия в последние годы XX в. в политической, экономической и духовной сферах. Московский Патриархат пострадал от расколов в Украине, Молдавии, разделения в Эстонии. Сербский Патриархат столкнулся с теми же проблемами в Македонии и Черногории. Однако Русская Церковь, по словам Патриарха Кирилла, всегда поддержит Сербскую в стремлении сохранить свою целостность.

Наконец, еще есть социальный фактор, усугубляющий и закрепляющий тот или иной раскол. Речь идет о распространенной в западной политологии концепции «господства права». Она воспринята руководством Европейского Союза и его официальной правозащитной структурой Страсбургским судом. Хотя в документах ЕС записано положение об уважительном отношении к куль-

[7] См.: Обращение Приморско-Черноморской митрополии 14 июня 2009 г. // Светигора, Митрополия Цетинска. 2009. № 192 / 193. С. 70.

турам союзных государств, их духовным менталитетам, традициям, однако, далеко не всегда они учитываются. Отходящие от кириархальных церквей альтернативные церковные структуры обращаются с исками, претендуя на церковное имущество. Дела по искам чаще всего решаются в пользу альтернативных юрисдикций. Страсбург исходит, проще говоря, из провозглашенной свободы веры или, как уже давно говорят на Западе, «свободы совести». Однако во всех случаях на декларируемые свободы в государствах, на которые подавались иски, никто не покушается.

Таким образом, анализ социальных условий и смены содержаний социальных парадигм дает возможность сделать вывод о том, что они оказывают большое влияние на изменение состояния Православия в мире. С одной стороны, они могут быть факторами, ведущими к утверждению и сохранению единства Церкви. С другой – к ее разъединению. В современных социально-политических условиях, в которых начинает торжествовать свобода вероисповеданий и толерантность, демократические тенденции, гарантированные вероисповедные свободы, очевидно, влияют на личностные характеристики представителей православия, особенно духовенства. В их религиозном сознании утверждаются идеи о возможности нарушения канонов. На практике такие нарушения ведут к подрыву единства Церкви, т.е. отходу от Поместных Церквей Вселенского Православия.

Итак, мы являемся современниками умножающихся расколов или структур альтернативного Православия. Причем их распространение глобализируется, так как они встречаются в большом числе современных государств, почти на всех континентах и на многих канонических территориях Поместных Церквей Вселенского Православия, имея свои центры в одном из государств.

© Лещинский А.Н., 2011